

С О О Б Щ Е Н И Я

К ИСТОРИИ ПЕРЕГОВОРОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1924—1925 гг.)

И. Н. КАЛИНИН

С самого возникновения Советского государства оно неизменно проводило ленинскую политику мирного сосуществования со всеми странами и неуклонно стремилось к нормализации и дальнейшему улучшению отношений с ними. Яркое выражение эта миролюбивая политика нашла во взаимоотношениях с нашим восточным соседом — Японией.

Уже в декабре 1917 г. через японского консула Уэдда НКВД РСФСР вступил в полуофициальные переговоры с послом Японии в Петрограде о пересмотре всех договорных отношений между обеими странами. Через него же эти предложения были повторены весной следующего года, а в мае 1918 г. — через японского поверенного в делах Марумо, в Вологде¹. Однако японское правительство не пошло по пути урегулирования отношений. Вместо этого в апреле 1918 г. Япония начала интервенцию на русском Дальнем Востоке. Советское правительство неоднократно предлагало японскому правительству прекратить военные действия и начать мирные переговоры. Так, в докладе V Всероссийскому съезду Советов в июле 1918 г. народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин заявил о готовности Советского правительства разрешить все спорные вопросы между Японией и РСФСР². Мирные предложения странам Антанты в 1918—1919 гг. адресовались и Японии³. 24 февраля 1920 г. правительство РСФСР предложило японскому правительству начать мирные переговоры «с целью гарантировать обоим народам мирное сожительство, добрососедские отношения и взаимное удовлетворение их обоюдных интересов»⁴.

Однако японское правительство не только не дало ответа на эти предложения, но встало на путь дальнейшего расширения интервенции, оккупировав Северный Сахалин⁵.

В 1921 г. японское правительство, желая закрепить за Японией оккупированные ею русские территории на Дальнем Востоке и тем самым освободить себе руки на предстоящей международной конференции в Вашингтоне, дало, наконец, согласие пойти на переговоры с правительством Дальневосточной Республики, отказавшись вместе с тем допустить к переговорам делегацию РСФСР. Переговоры проходили в Дайрене с 27 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г., но не привели к нор-

¹ «Документы внешней политики СССР» (далее: ДВП СССР), т. II, М., 1958, док. № 252.

² Там же.

³ Там же, т. I, М., 1957, док. № 384, 389, 452; т. II, док. № 25, 45, 66, 101, 194, 199.

⁴ Там же, т. II, док. № 252.

⁵ Там же, док. № 274, 295, прим. 77.

мализации отношений, так как предъявленные японской стороной условия соглашения вели к превращению ДВР в колонию Японии⁶. Также безрезультатно закончились и последовавшие в сентябре 1922 г. переговоры в Чанчуне (Китай) между делегациями РСФСР и ДВР, с одной стороны, и делегацией Японии, с другой⁷. Не увенчались успехом и неофициальные переговоры между представителем СССР А. Иоффе и представителем Японии Каваками, проходившие в Токио с 28 июня по 3 августа 1923 г.⁸. Поскольку такая форма переговоров ни к чему не обязывала, 26 июля 1923 г. Советское правительство предложило придать им официальный характер. Однако японское правительство не пошло на это, и 3 августа 1923 г. Каваками в ответном письме на ноту Иоффе констатировал прекращение переговоров⁹.

Таким образом, японское правительство около четырех лет не отвечало на настойчивые обращения Советского правительства прекратить военные действия и урегулировать советско-японские отношения, а когда после провала интервенции согласилось на переговоры, то предъявило такие кабальные требования, на которые советская сторона согласиться не могла¹⁰. Несмотря на это, Советское правительство не оставляло усилий нормализовать свои отношения с Японией. 22 сентября 1923 г. советский представитель в Китае Л. М. Карахан обратился к японскому посланнику в Пекине К. Иосидзава с просьбой сообщить, считает ли правительство Японии возможным начать официальные советско-японские переговоры, а 24 октября заявил в интервью корреспондентам, что Советское правительство готово в любое время приступить к подобного рода переговорам¹¹. Поскольку японское правительство не ответило на эти предложения, 18 декабря 1923 г. Г. В. Чичерин направил письмо министру внутренних дел Японии С. Гото. Советское правительство, писал он, уверено в том, что Гото сделает все возможное для быстрого возобновления советско-японских переговоров, а «при наличии доброй воли не так уж трудно уладить все спорные вопросы между нашими странами»¹². Гото ответил на это письмо 30 января 1924 г., уже не будучи министром. Выразив надежду на возобновление переговоров «в не столь отдаленном будущем», он пытался объяснить молчание японского правительства занятостью внутренними проблемами и частой сменой руководящих государственных деятелей Японии¹³.

Нежелание японской стороны пойти на официальные переговоры с СССР объяснялось сопротивлением военщины и крупных монополий, развивших активную деятельность по разработке природных ресурсов Северного Сахалина. И военное правительство Ямамото (сентябрь 1923 г. — январь 1924 г.) и реакционно-бюрократический кабинет Киёура (январь — июнь 1924 г.) опасались, что нормализация отношений с СССР приведет к усилению революционного движения в стране.

Японское правительство полгода хранило молчание и не давало ответа на советские предложения. Только 24 февраля 1924 г. К. Иосидзава сообщил Л. М. Карахану, что правительство поручило ему обменять-

⁶ ДВП СССР, т. IV, М., 1960, док. № 191, 321, 324, прим. 51.

⁷ Там же т. V, М., 1961, док. № 196, 251, 254, 255, 257, 260, 262, 263, 268, 269, прим. 115.

⁸ Л. Кутаков. Портсмутский мирный договор, М., 1961, стр. 147—166; ДВП СССР, т. VI, М., 1962, док. № 287.

⁹ ДВП СССР, т. VI, док. № 287, прим. 63.

¹⁰ В официальных японских документах и японской литературе искажается подлинная история советско-японских отношений, сознательно замалчивается враждебная советскому народу политика японского империализма. (См. «Нихон гайко хякунэн чоси». «Краткая история дипломатии Японии за 100 лет», Токио, 1958; «Сюсэн сироку», «Исторические документы об окончании войны», Токио, 1952; К. Иосидзава. Гайко рокудзюэн, «60 лет дипломатической работы», Токио, 1958. и др.)

¹¹ ДВП СССР, т. VI, док. № 287.

¹² Там же, док. № 326.

¹³ Там же, док. № 326.

ся с ним мнениями по всем вопросам, связанным с отношениями между обеими странами¹⁴. 19 марта Иосидзава передал Карахану предварительные условия возобновления переговоров, по которым последние должны быть секретными, носить неофициальный характер и им должно предшествовать разрешение так называемых «владивостокских инцидентов», т. е. вопросов о закрытии японского консульства во Владивостоке, о прекращении почтового обмена между СССР и Японией и об освобождении арестованных в феврале 1924 г. японских шпионов. На следующий день по настоянию Карахана Иосидзава снял два первых условия, однако упорно настаивал на выполнении последнего. 22 марта он вручил Карахану японские условия будущего советско-японского соглашения. Открытие переговоров, однако, затянулось до середины мая 1924 г. из-за нежелания японского правительства снабдить своего представителя письменными полномочиями¹⁵.

Дальнейшее усиление экономической и политической мощи Советского Союза и укрепление его международного авторитета, признание СССР Англией, Италией и рядом других капиталистических стран, а также ослабление позиций японского империализма после Вашингтонской конференции и рост демократического движения в самой Японии за признание СССР — все это заставило правящие круги Японии пойти, наконец, на официальные переговоры о нормализации советско-японских отношений. Этому шагу способствовало также обострение отношений Японии с США, проявившееся, в частности, в принятии американским конгрессом в середине мая 1924 г. закона о запрещении японской иммиграции в США. Переговоры проходили в Пекине.

14 мая 1924 г. К. Иосидзава сообщил Л. М. Карахану, что правительство дало ему полномочия на ведение переговоров и на подписание соответствующего соглашения. Обмен полномочиями состоялся на следующий день. Было решено, что соглашение будет содержать все условия, в том числе восстановление дипломатических отношений между двумя странами и вывод японских войск с Северного Сахалина. Представители условились сохранять переговоры в полной тайне.

В преамбуле условий будущего соглашения, переданных Иосидзавой Карахану 22 марта 1924 г., было сказано, что японское правительство не может немедленно и безоговорочно признать Советское правительство, но считает необходимым предварительно прийти к соглашению по следующим шести вопросам:

1. Советское правительство должно выразить в письменной форме свое сожаление по поводу «николаевского инцидента» и в возмещение связанных с ним убытков предоставить Японии на особо выгодных условиях долгосрочные концессии на Сев. Сахалине и в других районах СССР.

2. Портсмутский договор сохраняет свою силу.

3. Правительство Японии не будет требовать возмещения долгов царского и Временного правительств России «при условии, что Советское правительство предоставит безвозмездно и на долгие сроки крупные концессии на Сев. Сахалине и в Восточной Сибири».

4. Японское правительство готово отложить обсуждение вопроса о частной собственности японских подданных в России при условии достижения соглашения о том, что с ними «будут обращаться не менее благоприятно, чем с гражданами любой третьей державы».

5. Советское правительство в качестве основы будущего торгового договора должно предоставить японским подданным право заниматься на русской территории торговой и промышленной деятельностью «в соответствии с принципами наибольшего благоприятствования».

¹⁴ «Международная жизнь», 1963, № 1, стр. 184.

¹⁵ ДВП СССР, т. VII, М., 1963, док. № 46, 84, 121, прим. 34; «Международная жизнь», 1963, № 1, стр. 186.

6. Заключить «соглашение, обязывающее оба правительства не допускать пропаганды и действий, нарушающих мир и порядок на территории каждой из сторон».

Японское правительство соглашалось прекратить оккупацию Северного Сахалина и официально признать Советское правительство после того, как будет достигнуто соглашение по всем этим вопросам¹⁶. Это были те же кабальные условия, которые японские империалисты пытались навязать правительствам РСФСР и ДВР во время переговоров в Дайрене и Чанчуне. Японский империализм хотел и впредь быть полным хозяином на Сев. Сахалине и получить безвозмездно в эксплуатацию громадные естественные богатства на Востоке СССР. Советское правительство не могло принять эти унижительные условия и решительно отклонило их. 15 мая 1924 г. оно представило свой проект будущего советско-японского соглашения, предусматривавшего:

1. Восстановление нормальных дипломатических отношений и принятие необходимых мер к взаимной передаче государственного имущества другой стороны.

2. Вывод в течение двух недель после подписания соглашения всех японских войск и прекращение оккупации Сев. Сахалина.

3. Заключение равноправного торгового договора.

4. Предоставление японским подданным или юридическим лицам концессии на разработку недр, лесов и т. д. на территории СССР и в особенности в Восточной Сибири и на Сев. Сахалине.

5. Немедленное заключение рыболовной конвенции на условиях, предусмотренных Портсмутским договором и рыболовной конвенцией 1907 г.

6. Обсуждение на будущей конференции вопроса о взаимных государственных и частных претензиях и долгах.

7. Аннулирование всякого рода договоров или соглашений, заключенных с третьими странами в нарушение суверенных или территориальных прав другой стороны, а также создающих угрозу ее безопасности.

8. Взаимное уважение государственного суверенитета другой стороны.

9. Вступление соглашения в силу с момента его подписания¹⁷.

Таким образом, Советское правительство предлагало восстановить добрососедские отношения между народами обеих стран без всяких условий и без какой-либо компенсации. Справедливость и разумность этой позиции были настолько очевидны, что японское правительство не могло не считаться с нею. Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину, что до июня «переговоры шли довольно гладко, и Иосидзава при обсуждении вопросов проявлял большую уступчивость, и если по некоторым из спорных вопросов и не давал окончательных формулировок, то во всяком случае высказывался таким образом, что у меня создалось впечатление благоприятного результата переговоров и даже в краткий срок»¹⁸.

Однако вскоре переговоры обострились, а в начале июня 1924 г. японская сторона представила новый проект будущего соглашения¹⁹. Если некоторые статьи этого проекта в основном были схожи с соответствующими статьями советского проекта от 15 мая 1924 г., то другие повторяли японские условия от 22 марта в еще более неприемлемой форме. Наиболее унижительной была статья 4-я, согласно которой Советское правительство должно было предоставить Японии сроком на 99 лет концессии на разработку нефти, угля и лесов и на управление

¹⁶ «Международная жизнь», 1963, № 1, стр. 1186.

¹⁷ ДВП СССР, т. VII, док. № 146.

¹⁸ Там же, док. № 377.

¹⁹ См. там же, док. № 171.

рыбными промыслами на Сев. Сахалине, причем все права Советского правительства, советских граждан и граждан третьих стран на эти концессии теряли свою силу. За эксплуатацию этих концессий японская сторона соглашалась платить Советскому правительству 5% получаемой от них чистой прибыли. В специальной японской ноте предлагалось, чтобы Карахан от имени Советского правительства выразил в дополнительной ноте правительству Японии сожаление по поводу «николаевского инцидента».

Ознакомившись с японским предложением о концессиях, Карахан 5 июня заявил Иосидзаве, что оно сделано в унижительной для Советского Союза форме и носит характер платы за восстановление нормальных дипломатических отношений²⁰. Он отказался рассматривать его в таком виде, однако согласился поставить перед своим правительством вопрос о предоставлении Японии льготных или выгодных и долгосрочных концессий²¹.

Некоторые другие статьи японского проекта также были шагом назад к японским условиям от 22 марта 1924 г. Так, в основу представленной Иосидзавой ст. 5 о торговом договоре снова был положен принцип наибольшего благоприятствования. Вопреки прежней договоренности японская сторона предложила, чтобы соглашение вступило в силу не сразу же после его подписания, а только после ратификации. Соглашаясь с советским предложением о необходимости пересмотра всех старых договоров и соглашений на будущей конференции, японское правительство вместе с тем упорно настаивало на сохранении в силе унижительного для русского народа Портсмутского договора. В интересах урегулирования отношений с Японией и смягчения обстановки на Дальнем Востоке Советское правительство согласилось признать этот договор, но с оговоркой, что это признание не означает, что оно принимает на себя политическую ответственность за его содержание. Советский представитель вместе с тем указал на неприемлемость японской формулировки в части, касающейся пересмотра остальных договоров. Л. М. Карахан заявил, что предложение о пересмотре рыболовной конвенции 1907 г., возможно, было бы приемлемо, если сделать к нему две поправки: впредь до заключения новой конвенции будет применяться существующий порядок сдачи рыболовных участков в аренду японским подданным на основании советского законодательства; будет исключен ряд неприемлемых пунктов конвенции 1907 г. В ответ на японское предложение выразить сожаление по случаю «николаевского инцидента» он потребовал, чтобы японская сторона в свою очередь выразила сожаление правительству СССР за варварское обращение японских интервентов с советским населением в Сибири и на Дальнем Востоке. Карахан предложил три способа решения вопроса о долгах и претензиях: принять текст формулы советско-итальянского договора от 7 февраля 1924 г.²²; аннулировать полностью долги и претензии, не дожидаясь будущих переговоров; совсем ничего не упоминать о долгах и претензиях в подписываемом соглашении²³.

С 7 июня по 4 августа в переговорах наступил перерыв, так как Иосидзава ездил с докладом в Токио, а затем с группой специалистов на Сев. Сахалин, чтобы самому на месте ознакомиться с обстановкой.

Между тем весной 1924 г. в Японии начался новый подъем демократического движения за расширение избирательных прав, усиление полномочий парламента и изменение внешней политики. Реакционное правительство Киёура, тесно связанное с дворцовыми и помещичьими кругами, в мае потерпело поражение на выборах. К власти пришло но-

²⁰ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 33, л. 188.

²¹ ДВП СССР, т. VII, док. № 171.

²² См. ДВП СССР, т. VII, док. № 39.

²³ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 33, лл. 174—177.

вое правительство Като, представлявшее интересы крупных монополий. В своей внешней политике новое правительство по-прежнему руководствовалось захватническими планами японского империализма, однако, чтобы смягчить обстановку внутри страны, оно приняло решение о продолжении переговоров с СССР. Иосидзаве были даны инструкции добиться от советской стороны принятия следующих условий: предоставление Японии долгосрочных концессий на Сев. Сахалине в качестве компенсации за «николаевский инцидент» и сохранение за ней нефтяных полей на срок до 50 лет; выражение сожаления за «николаевский инцидент»; сохранение в силе Портсмутского договора и пересмотр рыболовного и других соглашений без ущерба для Японии; некоторое возмещение в будущем по старым правительственным и частным займам на тех же условиях, что и для других держав; возмещение в будущем нанесенного ущерба государству и частным лицам; заключение торгового договора, обеспечивающего свободу торговли и неприкосновенность частной собственности; обоюдное запрещение враждебной пропаганды; эвакуация Сев. Сахалина через два месяца после подписания соглашения²⁴.

Переговоры возобновились 4 августа 1924 г. В первый же день Иосидзава представил новый проект соглашения, который по содержанию почти не отличался от прежнего, за исключением некоторых положений. Вместе с тем он претерпел большие структурные изменения и состоял из основного соглашения, протоколов «А» и «Б» и ноты по «николаевскому вопросу».

Японская сторона сняла свое прежнее предложение о сохранении прав и интересов подданных и граждан обеих сторон при пересмотре старых договоров, а также о пересмотре договоров и соглашений с третьими странами. Вместе с тем она дополнила статью о торговом договоре положением о том, что каждая из сторон предоставляет другой все права и привилегии, которые предоставлены или могут быть предоставлены любой стране, не граничащей с территорией одной из сторон или граничащей с территориями обеих сторон. Одновременно японское правительство соглашалось перенести вопрос о долгах царского и Временного правительств России на рассмотрение будущей конференции, но с условием, что при его разрешении правительство или подданные Японии не будут трактоваться менее благоприятно, чем правительства или граждане третьих стран²⁵.

Советский представитель в основном согласился с японскими формулировками статей, касающихся установления отношений и пропаганды. Что же касается других вопросов, то он отстаивал прежнюю позицию Советского правительства. Вместе с тем он решительно выступал против принципа наибольшего благоприятствования, а также настаивал на внесении в протокол оговорки о том, что Япония не ратифицирует Бессарабский протокол, подписанный в Париже 28 октября 1920 г. послами четырех держав (Англии, Франции, Италии и Японии), по которому Бессарабия была передана Румынии²⁶.

Решительный протест советской стороны вызвало японское требование о предоставлении Японии правительством СССР сроком на 55 лет свободных от всяких стеснительных условий концессий на эксплуатацию нефтяных и угольных богатств почти на всем Сев. Сахалине. Взамен этого японское правительство соглашалось ежегодно выплачивать 5% валовой добычи. Оно претендовало на то, чтобы по своему усмотрению распоряжаться добытой продукцией, строить различные сооружения и предприятия; требовало отказа советских властей от вме-

²⁴ R. H. Akagi. Japan's Foreign Relations, p. 423—424.

²⁵ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 33, л. 372—373.

²⁶ См. ДВП СССР, т. II, прим. 21.

шательства в вопросы труда и найма рабочей силы; освобождения японских концессионеров от всех налогов и сборов за ввоз и вывоз продукции и товаров; свободного курсирования японских судов между Японией и Сев. Сахалином и прочих льгот. По существу, речь шла о бесконтрольном пользовании всем Сев. Сахалином, и освобождение острова от японских войск не изменило бы существовавшего там положения вещей. Л. М. Карахан отказался от обсуждения этого проекта, заявив, что Сев. Сахалин — Советская территория и хозяином там является Советский Союз²⁷. С 9 по 18 августа в переговорах снова наступил перерыв, так как Иосидзава ждал инструкций от своего правительства.

Касаясь разногласий между СССР и Японией, Л. М. Карахан в беседе с японскими журналистами 31 июля 1924 г. заявил: «Япония хочет получить естественные богатства Северного Сахалина в свое распоряжение на тех условиях, которые только победители могут диктовать побежденным; мы же говорим, что Япония не может претендовать на какие-либо монополии или исключительные права, но она может получить концессии на общих основаниях»²⁸. В связи с этим японская пресса усиленно твердила о том, что японское правительство не требует никаких исключительных прав на Сев. Сахалин. Тогда в начале августа Карахан поставил перед Иосидзавой вопрос об опубликовании всех сделанных во время переговоров предложений, как японских, так и советских, чтобы общественное мнение обеих стран знало, в чем состоит существо разногласий. Иосидзава отклонил это предложение, ибо, как писал Л. М. Карахан в письме Г. В. Чичерину от 11 августа 1924 г., «появление в печати всех их формул показало бы, как они наглы в своих первоначальных требованиях и как они постепенно уступают»²⁹.

В ходе дальнейших переговоров разногласия о концессиях оставались, в то время как остальные вопросы в основном были согласованы в начале октября 1924 г. Японская сторона настаивала на том, чтобы общее соглашение было подписано до оформления концессионного договора, так как это давало ей возможность сразу же приступить к эксплуатации концессий на основании протокола «Б», который фиксировал лишь общие принципы предоставления концессий в будущем. Иосидзава пояснил такое желание опасением, что в случае ухода японских войск с Сев. Сахалина угольные шахты и буровые скважины останутся без присмотра и, когда настанет срок возобновления работ, они могут оказаться непригодными для эксплуатации³⁰. К концу августа вопрос о концессиях стал рассматриваться в двух направлениях: с одной стороны, обсуждался режим на действующих японских предприятиях с момента вступления в силу общего соглашения до подписания концессионного договора; с другой, определялись основные принципы этого договора.

9 сентября 1924 г. Иосидзава сообщил, что японское правительство согласно с тем, чтобы в статью о концессиях в общем соглашении вошли общие принципы будущего концессионного договора при условии, что к этому соглашению будет приложен протокол «Б», что пробное бурение на существующих японских предприятиях в радиусе 2 миль от скважин будет продолжаться и после заключения общего соглашения, что будет признано право распоряжаться той нефтью, которая будет получена в результате пробного бурения, и что впредь до заключения концессионного договора Советское правительство не будет принимать мер, которые помешали бы его заключению. Карахан согласился на это

²⁷ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 33, л. 421.

²⁸ ДВП СССР, т. VII, стр. 411—412.

²⁹ Там же, стр. 417.

³⁰ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 34, лл. 35—37.

предложение при условии, что добытые нефть и уголь в период после заключения общего соглашения и до подписания концессионного договора не будут вывозиться с Сев. Сахалина и что будет установлен район этих работ, а также количество рабочих и технического персонала³¹.

11 сентября 1924 г. советский и японский представители достигли соглашения о том, что будут приняты все необходимые меры к предохранению от разрушения действующих буровых скважин и шахт и их оборудования и что нефть, полученная в результате пробного бурения, будет сохранена на месте, за исключением того количества, которое будет за плату предоставлено этим предприятиям для внутреннего потребления. Однако 16 сентября Иосидзава неожиданно заявил, что поскольку советская сторона отказывается согласиться на продолжение работ на существующих японских предприятиях, то японское правительство ставит под сомнение дальнейшее ведение переговоров³². После этого встречи представителей снова прекратились. Однако маневр японцев, рассчитанный на то, чтобы заставить Советское правительство пойти на уступки, не удался. Переговоры возобновились 20 сентября.

6 октября 1924 г. Советское правительство дало согласие на проведение работ на действующих японских предприятиях, указанных в меморандуме от 29 августа 1924 г., в течение 6 месяцев после вступления в силу общего соглашения, при условии, что эти работы будут проводиться в прежних масштабах и что полученная в результате этих работ продукция не будет вывозиться за пределы Сев. Сахалина³³.

28 сентября 1924 г. японское правительство представило новый проект протокола «Б» уже в качестве основы будущего концессионного договора, который предлагалось заключить в течение 3—6 месяцев после вступления в силу общего соглашения. Согласно этому проекту Советское правительство должно было представить японской стороне в концессию сроком на 40—50 лет нефтяные месторождения площадью в 4 тыс. кв. верст, включая районы, где японцы проводили пробные бурения, и угольные месторождения на определенном участке, который включал бы действующие японские разработки. В качестве возмещения японская сторона соглашалась ежегодно выплачивать СССР за эксплуатацию нефтяных месторождений 20% чистой прибыли или 5% валовой добычи, если годовая добыча нефти будет ниже 500 тыс. т, 10%, если она будет свыше 500 тыс. т и ниже 1 млн т, и 15%, если добыча будет превышать 1 млн т, а за эксплуатацию угольных месторождений — или 20% чистой прибыли или 5% валовой добычи. Импорт и экспорт всех японских материалов и добытой продукции не должен облагаться никакими сборами и налогами³⁴.

В ответ на этот проект 6 октября 1924 г. Советское правительство внесло свое предложение. Оно соглашалось предоставить Японии в качестве концессий 40% нефтяных месторождений на Сев. Сахалине и плюс к этому одну тысячу кв. верст для проведения в течение 5 лет разведывательных работ, а также удовлетворило просьбу правительства Японии о продолжении японскими компаниями в течение 6 месяцев после вступления в силу общего соглашения работ на существующих там предприятиях, указанных в меморандуме от 29 августа 1924 г. Ежегодная плата за эксплуатацию нефтяных месторождений устанавливалась от 10 до 15, а за эксплуатацию угольных — от 5 до 10% валовой добычи³⁵.

³¹ АВП СССР, ф. 0179, п. 9, д. 34, лл. 119—123.

³² Там же, ф. 0146, п. 110, д. 2, лл. 199—204.

³³ ДВП СССР, т. VII, прим. 74.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, док. № 231, прим. 74.

Японская сторона не соглашалась на эти условия и всеми мерами тормозила ход переговоров. 6 октября Иосидзава заявил, что он не может дать ответа на советское предложение и запросит инструкции у своего правительства. В переговорах снова наступил перерыв, который продолжался до 24 октября. Во время перерыва Иосидзава прислал к Карахану консула Симада с сообщением, что «он подал в отставку, что он потерял всякую надежду и что, по-видимому, дело идет к разрыву»³⁶.

Бесконечные перерывы, устраиваемые Иосидзавой под предлогом ожидания инструкций своего правительства, затянули переговоры, и это привело к тому, что вывод японских войск с Сев. Сахалина с наступлением зимы в октябре стал затруднительным. В связи с этим 3 октября 1924 г. Карахан спросил Иосидзаву, к какому сроку климатические условия позволят вывести оттуда японские войска. Поскольку японская сторона длительное время не отвечала на этот вопрос и на предложение Советского правительства от 6 октября, Карахан вынужден был направить Иосидзаве специальную ноту³⁷.

24 октября 1924 г. японское правительство возобновило переговоры, а 27 октября представило новый проект протокола «Б». Оно потребовало предоставления Японии 60% всей площади каждого из нефтеносных полей, указанных в меморандуме от 29 августа, причем все источники, разрабатываемые японцами, должны быть включены в этот процент; 60% всех остальных нефтяных полей, не указанных в меморандуме, а также 60% всех тех полей, которые будут открыты японцами в будущем. Японское правительство требовало сдать ему в эксплуатацию 30% угольных месторождений в запретном районе, включая те копи, которые указаны в меморандуме, а также копи вне этого района. В проекте далее говорилось, что если Советское правительство в течение трех лет не приступит к эксплуатации остальных нефтяных и угольных месторождений, указанных в меморандуме, то оно предоставит их в концессию Японии³⁸.

Таким образом, японское правительство предприняло новую попытку прибрать к своим рукам все нефтяные и угольные богатства Северного Сахалина.

30 октября Советское правительство представило новый проект соглашения с Японией с приложением к нему двух протоколов и ряда нот³⁹. При вручении этого проекта Карахан дал понять представителю Японии, что на большие уступки советская сторона не пойдет и может согласиться лишь на редакционные изменения некоторых статей. Проект был разработан с учетом японских предложений и, за исключением протокола «Б», впоследствии был положен в основу окончательного текста соглашения.

Советское правительство согласилось положить в основу будущего торгового соглашения принцип наибольшего благоприятствования; что при разрешении вопроса о долгах на будущей конференции правительство или подданные Японии не будут, при прочих равных условиях, поставлены в условия, менее благоприятные, чем те, которые Советское правительство могло бы признать за правительствами или подданными любой третьей державы; что заявление сторон об аннулировании договоров и соглашений с третьими странами будет касаться договоров и соглашений о военном союзе или же секретных соглашений и что настоящее соглашение подлежит ратификации. Вместе с тем правительство СССР заявило, что признание им Портсмутского договора не означает,

³⁶ Там же, док. № 233, прим. 74.

³⁷ Там же, док. № 240.

³⁸ Там же, прим. 74.

³⁹ См. там же, док. № 254, прим. 84.

что оно принимает на себя политическую ответственность за содержание этого договора, которая лежит всецело на царском правительстве. Оно предложило японскому правительству сделать заявление о том, что Япония не намерена ратифицировать Бессарабский протокол от 28 октября 1920 г.

Японская сторона возражала против существующей системы сдачи рыболовных участков в аренду до заключения рыболовной конвенции и настаивала на том, чтобы они сдавались в дальнейшем на основании рыболовной конвенции 1907 г., которую считала еще не утратившей силу. Иосидзава решительно выступал против заявления Советского правительства по вопросу о Портсмутском договоре и против предлагаемого заявления японского правительства по Бессарабскому протоколу. Однако основные возражения были направлены против советского проекта протокола «Б»⁴⁰.

Согласно проекту протокола «Б» Советское правительство соглашалось предоставить японским обществам концессию на эксплуатацию 40% каждого из нефтеносных полей на Северном Сахалине, указанных в японском меморандуме от 29 августа 1924 г. Каждое из таких полей должно быть разделено на квадраты в шахматном порядке, причем квадраты, сдаваемые японцам, не должны быть смежными. Кроме того, японские общества получали право вести в течение 5 лет разведку нефтяных месторождений на площади 1 тыс. кв. верст. По истечении этого срока им предоставлялось в эксплуатацию 40% площади всех нефтяных полей, которые могли быть открыты в результате этой разведки. Советское правительство также предоставляло в эксплуатацию японским обществам угольные концессии на определенном участке. Срок концессий устанавливался в 40—50 лет. Процент возмещения составлял: за нефть — от 10 до 15%, а с фонтанной нефти — 50, за уголь — от 10 до 12% валовой добычи.

В проекте ноты советского представителя говорилось, что правительство СССР согласно с тем, чтобы работа, которая ведется японцами в нефтяных и угольных районах, указанных в меморандуме от 29 августа 1924 г., продолжалась в течение 6 месяцев со дня вступления в силу общего соглашения при условии, что она будет вестись в прежних масштабах, что полученная в результате этой работы продукция должна сохраняться на месте и что не будут функционировать японские радиостанции, расположенные на территории Сев. Сахалина. Ввиду отказа японской стороны принять советский проект с 11 ноября по 27 декабря 1924 г. в переговорах наступил перерыв.

Во время перерыва японское правительство поставило вопрос о посылке своего представителя в Москву, чтобы он изложил его пожелания относительно концессий непосредственно правительству СССР. На это предложение Карахан ответил категорическим отказом, заявив, что переговоры дошли до такой стадии, когда нужны не разговоры а принятие решения⁴¹.

Переговоры возобновились 27 декабря 1924 г. В этот же день японская сторона внесла новый проект соглашения, который улучшал ее прежние условия⁴². Согласно этому проекту устанавливался 6-месячный срок, в течение которого должен быть заключен концессионный договор; была предложена компромиссная цифра в 50% в отношении нефтяных участков, подлежащих сдаче в аренду; введено дополнительное уточнение, что каждый участок должен быть не меньше 15 десятин; вместо прежнего предложения о том, что японская сторона может эксплуатировать все нефтеносные участки, которые Советское правитель-

⁴⁰ ДВП СССР, т. VII, док. № 254, прим. 84.

⁴¹ АВП СССР, ф. 0146, д. 61, лл. 107—108.

⁴² Там же, п. 104, д. 45, лл. 324—332.

ство решило бы само не разрабатывать, было внесено новое предложение о том, что на те участки, которые СССР намерен отдать в эксплуатацию иностранным концессионерам, японская сторона получит равные возможности. Вместе с тем было внесено компромиссное предложение о том, что СССР предоставит Японии право производить разведку на восточном побережье Северного Сахалина в течение 5—10 лет. Японцы отказались от своего требования, чтобы была определена площадь угольных концессий, однако настаивали на сдаче им в аренду копий в Дуэ. Японцы соглашались платить от 5 до 8% добычи угля и от 5 до 15% добычи нефти, а для нефтеносных фонтанов — 45%.

Вместо прежней согласованной формулы о запрещении враждебной пропаганды японская сторона предложила перенести в соглашение полностью ст. 16 советско-английского договора от 8 августа 1924 г., в которой СССР взял на себя обязательство удерживать все лица и организации, находившиеся под прямым или косвенным контролем сторон, включая организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от какого-либо акта, явного или скрытого, могущего создать опасность для спокойствия другой стороны.

От имени японского правительства Иосидзава заявил, что если соглашение вступит в силу до середины февраля 1925 г., то японские войска будут выведены с территории Сев. Сахалина в течение месяца, начиная с 15 апреля 1925 г. При этом он объяснил, что климатические условия не позволяют вывести войска к более раннему сроку ⁴³.

Судя по этому предложению, японские правящие круги решили не затягивать дальше переговоры и пойти на подписание соглашения. Они потеряли всякую надежду на то, что США и Франции удастся сорвать советско-китайское соглашение о восстановлении дипломатических отношений от 31 мая 1924 г., взять под свой контроль управление КВЖД и этим самым ухудшить международное положение СССР. Серьезную тревогу у них вызывало также развитие национально-освободительной борьбы в Китае и провозглашение МНР. Имели место и опасения, что могут обостриться отношения с США из-за нефтяных концессий на Сев. Сахалине.

20 января 1925 г. переговоры о нормализации советско-японских отношений закончились подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, протоколов «А» и «Б» и ряда других документов ⁴⁴. Стороны заявили об отсутствии у них договоров о военном союзе или тайных соглашений с третьими странами; подтвердили свое намерение жить в мире и дружбе и не вмешиваться во внутренние дела друг друга; согласились установить дипломатические и консульские отношения, приступить к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г., приняв во внимание те перемены, которые имели место со времени ее заключения; приступить к заключению договора о торговле на принципах свободы въезда, передвижения, права частной собственности и свободы заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и другими мирными занятиями в соответствии с законами страны; рассмотреть вопрос о старых долгах, договорах и соглашениях на будущей конференции. Правительство Японии обязалось вывести к 15 мая 1925 г. свои войска с территории Сев. Сахалина и не ратифицировать Бессарабский протокол, если он не будет ратифицирован другими подписавшими его державами. Правительство СССР признало Портсмутский договор, но заявило, что это признание никоим образом не означает, что Советское правительство разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за его заключение, а также согласилось предоставить Японии концессии на эксплуатацию

⁴³ АВП СССР, ф. 0146, п. 104, д. 45, л. 327.

⁴⁴ «Собрание законов и распоряжений правительства СССР за 1925 г.», М., 1926, № 46, стр. 677—694.

естественных богатств на всей территории СССР. На Сев. Сахалине японским компаниям предоставлялось 50% площади каждого из нефтеносных месторождений и угольные месторождения на определенной площади, которая будет установлена в будущем, а также угольную концессию в районе Дуэ. Срок концессии устанавливался в 40—50 лет. Концессионеры обязаны были ежегодно передавать СССР от 5 до 8% валовой добычи нефти и от 5 до 15% валовой добычи угля.

Достижение этого соглашения имело очень важное значение. С выводом японских войск с Сев. Сахалина прекращалась оккупация иностранными войсками последней части советской территории, произошла разрядка напряженности на всем Дальнем Востоке и значительно укрепились позиции СССР в этом районе мира. Однако Советское правительство в интересах быстрее урегулирования своих отношений с Японией и смягчения международной обстановки вынуждено было пойти на значительные уступки, в частности, по вопросам о Портсмутском договоре и предоставления концессий на Сев. Сахалине.

Советское государство, верное ленинской политике мирного сосуществования со всеми странами, со всей серьезностью отнеслось к выполнению взятых на себя обязательств по этому соглашению. В декабре 1925 г. Советское правительство подписало с японскими компаниями концессионные договоры, а в 1928 г. — рыболовную конвенцию. Что же касается японской стороны, то она ограничилась лишь выводом своих войск с Сев. Сахалина к установленному сроку. Несмотря на заверения в стремлении к миру и дружбе, японские правящие круги не отказались от своей антисоветской политики. Они постоянно нарушали Конвенцию и концессионные контракты и провоцировали пограничные конфликты с СССР. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, лишила СССР возможности нормально эксплуатировать КВЖД, совершила в 1938 г. нападение на советскую территорию в районе озера Хасан, а в 1939 г. — на территорию нашего союзника МНР в районе реки Халхин-Гол, и, наконец, в 1936 г. вступила в военный блок с Германией и Италией, направленный против Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны Япония мешала советскому судоходству на Дальнем Востоке и держала на дальневосточных границах Советского Союза огромную армию, выжидая удобного момента, чтобы напасть на СССР.

В результате второй мировой войны советско-японское соглашение от 20 января 1925 г. потеряло свою силу. Советский Союз добился также ликвидации Портсмутского мирного договора. В 1955 г. по инициативе Советского Союза были начаты советско-японские переговоры, которые привели к подписанию 19 октября 1956 г. декларации о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений. Однако по вине японских правящих кругов еще не подписан мирный договор с Японией, поэтому многие вопросы советско-японских отношений до сих пор остаются неурегулированными. Японское правительство под влиянием империализма США не идет навстречу миролюбивым призывам правительства СССР, направленным на развитие дружественных добрососедских отношений между двумя странами, путь к которым лежит в неучастии Японии в военных блоках и ликвидации американских военных баз на японских островах.

